

8.11.19

№ 2289-08-11-2019

**Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации
С.В.Лаврова на Московской конференции по нераспространению
по теме «Внешнеполитические приоритеты Российской
Федерации в сфере контроля над вооружениями и
нераспространения в контексте изменений в глобальной
архитектуре безопасности» Москва, 8 ноября 2019 года**

Уважаемые дамы и господа,

Спасибо за приглашение на конференцию, которую мы считаем весьма важным мероприятием. Она проходит в период, когда такого рода дискуссии можно только приветствовать в надежде на то, что истина будет рождаться в спорах, которые будут вестись честно и профессионально, с прицелом не на достижение какого-либо сиюминутного геополитического эффекта в контексте одного или иного электорального цикла, а с полным осознанием ответственности

тех рисков, которые в сфере распространения оружия массового уничтожения и стратегической стабильности, контроля над вооружениями сегодня существуют в мире.

В мае следующего года пройдёт очередная Обзорная конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Убеждены, что распространённые риски и угрозы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, должны устраняться именно на базе строго соблюдения данного Договора, естественно, уважая и обеспечивая баланс между тремя его составляющими – нераспространением, разоружением и мирным использованием атомной энергии. Принципиально важно, чтобы предстоящая в мае Обзорная конференция прошла максимально неконфронтационно и не повторила печальный опыт конференции 2015 года, когда, по сути дела, участники отказывались не то, что говорить друг с другом, а слушать друг друга, и каждый излагал свою позицию независимо от того, что говорили другие.

Тогда, по этой причине возобладала достаточно опасная и одновременно иллюзорная тенденция к «принуждению» ядерных держав отказаться от имеющихся ядерных арсеналов – без учёта их интересов в сфере безопасности и стратегических реалий. Такой подход вылился в форсированную разработку открытого к подписанию Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО).

Хотел бы ещё раз отметить: Россия не намерена присоединяться к этому договору. Мы разделяем задачу построения безъядерного мира. Однако добиваться этой цели следует не такими односторонними, достаточно arrogantными методами, на которых основывается этот документ. Исходим из того, что полная ликвидация ядерного оружия возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения в условиях обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, в том числе и для обладателей ядерного оружия, в соответствии с ДНЯО.

Критически важным для сохранения режима ядерного нераспространения мы рассматриваем достижения прогресса в деле вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). То, что он до сих пор не заработал – спустя 23 года после его открытия к подписанию, – это серьёзнейшая проблема. Ответственность несут те 8 государств из «списка 44», которые должны ратифицировать Договор, чтобы он вступил в силу. Особенно деструктивно выглядит позиция США, которые в своих ядерных доктринальных документах напрямую записали, что не будут добиваться его ратификации. Это ставит под угрозу судьбу этого важнейшего документа, являющегося

единственным поддающимся эффективной проверке международным соглашением по прекращению ядерных испытаний. Ему нет альтернативы, и быть не может.

Ещё одна серьёзная проблема – отсутствие ясности в отношении перспектив создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки (ЗСОМУ). Она имеет прямое отношение к тому, насколько мы сможем успешно провести Обзорную конференцию по Договору о нераспространении в мае этого года. В этом контексте придаём особую важность успешному проведению в Нью-Йорке 18-22 ноября Конференции по зоне, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке. Мы готовили ее многие годы, встречали непонимание, а то и сопротивление наших коспонсоров из США и Соединенного Королевства. Однако в итоге, на мой взгляд, получился согласованный формат для данной конференции, который должен устроить всех. Она должна снять напряженность по ближневосточной проблематике в контексте Обзорной конференции ДНЯО. Не забудем, что резолюция, которая постановила начать переговоры о создании ЗСОМУ была принята в 1995 году. С тех пор ничего не было сделано. Россия будет принимать самое активное участие в Конференции. Подчеркну, что Конференция – не разовое мероприятие, а начало процесса, который будет опираться на консенсус. Все застрахованы. Будет абсолютно контрпродуктивно искусственно блокировать этот форум.

В условиях разрушения многих элементов нераспространенческой архитектуры отмечу плодотворное взаимодействие по выполнению резолюций СБ ООН 1540 по недопущению материалов, относящихся к ОМУ в руки террористов и любых прочих негосударственных субъектов.

В следующем году пройдет всеобъемлющий обзор хода выполнения резолюции СБ ООН 1540. Надеемся, что по итогам будет продлен мандат соответствующего Комитета Совета Безопасности, призванного укреплять сотрудничество на этом очень важном направлении.

Приветствуем назначение Советом управляющих МАГАТЭ постпреда Аргентины при международных организациях в Вене Р.Гросси на должность нового гендиректора Агентства. Перед ним стоит очень ответственная задача – продвигать повестку дня, которая будет объединять государства-члены и сохранять настрой на дружную коллективную консенсусную работу.

Сама МАГАТЭ должна оставаться профессиональным, техническим механизмом проверки обязательств по гарантиям, а также играть центральную роль в международном сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии. У нас нет никаких сомнений, что система гарантий МАГАТЭ должна оставалась объективной, деполитизированной, опираться на международное право и достигаемые в его рамках договоренности. В этой связи упомяну Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по урегулированию иранской ядерной программы.

Несмотря на известные абсолютно неприемлемые действия Вашингтона, СВПД не утратил своей значимости. Он позволили снять все имеющиеся у МАГАТЭ вопросы к Тегерану, создал режим максимальной прозрачности ядерной программы ИРИ, подтвердили законные права этой страны на освоение и развитие технологий мирного атома под контролем Агентства. Иран, в соответствии с СВПД и одобренной его резолюцией Совета Безопасности, является самой проверяемой страной в мире. Не будем об этом забывать. Убеждены, что в интересах всех стран – сохранить СВПД и создать благоприятные условия для его дальнейшего устойчивого, полномасштабного и добросовестного выполнения в установленные сроки. Мы поддерживаем соответствующие усилия европейцев, но, к сожалению, они пока не дают результата.

Урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) возможно исключительно дипломатическим методам на основе диалога между всеми заинтересованными странами. Полноценный запуск процесса денуклеаризации Корейского полуострова станет реальным только в том случае, если будут продвигаться политические переговоры на основе встречных шагов непосредственно вовлеченных сторон. Конкретные предложения о том, как можно было бы эффективно двигаться к этой цели, были сформулированы Россией и Китаем сначала в «дорожной карте», а теперь и в Плане действий, который мы завершаем согласовывать с участниками «шестерки».

За последние годы деградировала ситуация в области стратегической стабильности. Глубокий кризис в этой сфере не имеет прецедентов в новейшей истории. Это связано, прежде всего, с действиями США, которые при слепой поддержке своих союзников последовательно ведут дело к разрушению архитектуры международно-правовых договоренностей в сфере контроля над вооружениями. Эта архитектура создавалась десятилетиями и успешно работала на общее благо в самые сложные периоды мировой истории второй половины

двадцатого века, но сейчас она стала для Вашингтона обузой и ненужным ограничителем, который сковывает возможности США по наращиванию своего военного потенциала по всему миру по осуществлению силового давления на оппонентов, а при необходимости и прямого применения военной силы, чему немало примеров.

Крайне негативные последствия имеет слом Вашингтоном Договора о РСМД. Действительно, за время его действия у обеих сторон накопились взаимные претензии, но вместо того чтобы решать их профессионально в конструктивном и деловом ключе, наши американские коллеги были озабочены лишь поиском предлогов для демонтажа Договора о РСМД. Предложенные Россией конкретные реалистичные меры, направленные на снятие обоюдных озабоченностей ради спасения Договора, были достаточно высокомерно отвергнуты. Печально, что большинство членов НАТО послушно подчинилось требованиям Вашингтона и не приняли наше предложение воочию убедиться в надуманности американских утверждений.

Поскольку США уже приступили к созданию наземных РСМД, то мы, как предупреждал Президент России В.В.Путин, будем поступать зеркально. Вместе с тем, в целях сохранения возможностей для поиска поддержания и предсказуемости в ракетной сфере, Россия приняла решение не размещать наземные РСМД где-бы то ни было, пока в том или ином регионе не будут размещаться ракеты аналогичного класса американского производства. Президент В.В. Путин в личных посланиях к лидерам государств НАТО и стран АТР призвал присоединиться к мораторию на развертывание РСМД наземного базирования. Четкого ответа со стороны НАТО не последовало. Более того, нам дают понять, что НАТО на это не пойдет. Конечно, мы знаем о той дискуссии, которая уже вылилась в публичное пространство в связи с объявлением США об их намерении размещать эти ракеты в АТР, упомянули Японию и Южную Корею. Сеул сказал, что таких разговоров он не слышал, но «дыма без огня» не бывает.

Сегодня остро стоит вопрос о продлении российско-американского Договора о СНВ, остающегося, несмотря на имеющиеся проблемы, последним действенным двусторонним инструментом в сфере контроля над ракетно-ядерными вооружениями. Его продление предотвратило бы окончательное обрушение контрольно-ограничительных механизмов и позволило бы выиграть время для изучения подходов к возможным методам регулирования новых военных технологий, а также к согласованию состава участников потенциальных

переговоров. Между тем, Вашингтон уклоняется от серьёзного разговора. Более того, публично направляют не внушающие оптимизма сигналы касательно перспектив Договора. Откровенно провокационным выглядит постоянное выдвижение в качестве предварительного условия присоединение к процессу КНР вопреки не раз и очень четко заявленной позиции Пекина.

Мы будем делать всё возможное для восстановления динамики процесса контроля над вооружениями. Открыты к конструктивному взаимодействию со всеми, кто готов к реальной совместной работе по укреплению международной безопасности на основе учёта интересов, баланса интересов всех сторон на основе комплексного рассмотрения всех без исключения факторов, оказывающих влияние на глобальную стратегическую стабильность.

К их числу мы относимся и происходящее сейчас ничем не ограниченное развёртывание системы глобальной ПРО США. Конфигурация этой системы, наверное, развеивает последние сомнения, если они у кого-то были, что ее цель отнюдь не ракетный арсенал ИРИ, а гораздо более широкий замах. К числу этих факторов относятся и планы размещения ударных вооружений в космосе, развитие неядерных высокоточных средств для нанесения превентивных «обезоруживающих» ударов. Особого внимания требует начатая в США разработка ядерных зарядов малой мощности на фоне закрепления в американских доктринальных документах возможности понижения порога применения ядерного оружия. Нельзя игнорировать и линию на ослабление оборонного потенциала других стран путем применения нелегитимных методов одностороннего экономического принуждения в обход Совета Безопасности ООН. Эта линия не скрывается и требует прекращать военно-техническое сотрудничество с конкурентами у различных стран в различных регионах мира и покупать исключительно американское оружие.

Растущее беспокойство вызывает настойчивые попытки наших западных коллег подчинить своим геополитическим интересам работу многосторонних межправительственных структур, занимающихся нераспространением, размыть независимый статус их секретариатов, постараться их «приватизировать».

Наиболее показательный пример – ситуация в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Подчеркну, технический секретариат (он так называется) этой международной структуры наделен исключительно теми полномочиями, которые записаны в Конвенции о запрещении химического оружия. Однако западные страны, взяв в прошлом году курс на подмену международного права своими правилами в грубейшее нарушение Конвенции о

запрещении химического оружия голосами меньшинства ее участников, заставляют технический секретариат заниматься вопросами, относящимися к исключительным прерогативам СБ ООН. Возникшие в результате глубокие противоречия в рядах Организации неминуемо скажутся на перспективах КЗХО.

Западные коллеги также хотят не допустить консолидации международного сообщества на пути к выработке единых норм для противодействия терроризму, связанному с ОМУ и его компонентами. Имею в виду ситуацию, которая сложилась на Женевской конференции по разоружению., где несколько лет назад Россия и Китай предложили разработать на этой универсальной общепризнанной международной переговорной площадке новый инструмент – Конвенцию по борьбе с актами химического и биологического терроризма. Члены НАТО выступили категорически против, но какие-то шаги нужно предпринимать в этой весьма рискованной ситуации, когда доступ к материалам, касающимся биологических токсичных химических веществ может быть открыт для тех лиц, которые не должны получить такого доступа. Вместо того, чтобы заниматься этой работой на переговорной коллективной площадке в Женеве на Конференции по разоружению, члены НАТО объявили о создании не опирающегося ни на какие общепринятые правовые нормы некоего т.н. «международного партнёрства по борьбе с безнаказанностью применения химического оружия». Туда пригласили и ввели в круг участников только тех, кто разделяет подходы, разделяемые Западом, в том числе по безосновательному обвинению сирийского правительства в целом ряде осуществления химических атак, которые расследовались ОЗХО под диктовку Запада весьма сомнительными и противоречащими Конвенции методами. В этом партнерстве будут приниматься решения в узком закрытом клубе, которое будут выдавать за решение международного сообщества, и это уже происходит.

Тенденция подмены межправительственных универсальных, опирающихся на общеприемлемые международно-правовые инструменты структур такими «междусобойчиками», куда приглашают только тех, кто не будет спорить и перечить, очень опасна. К сожалению, она все более обретает плоть в политике наших западных коллег. Хочу подчеркнуть, что угрозы распространения слишком серьезны, чтобы делать их предметом геополитических игр и пытаться использовать их для выторговывания и получения себе недобросовестных преимуществ в международных делах. Причем исключительно или по большей части с геополитическими и идеологическими целями.

Мы убеждены в необходимости системного подхода к вопросам нераспространения и контроля над вооружениями. Добиться этого можно только через выстраивание открытого для всех диалога. Россия к этому готова и заинтересована к взаимодействию со всеми, кто разделяет цели упрочнения международного мира, безопасности и стабильности.

Хотел бы сказать с некоторым оптимизмом, что обнадеживает одобрение в Первом комитете ГА ООН внесенного Россией проекта резолюции, которая называется «Об укреплении системы договоров по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению». В поддержку проекта высказались 175 государств, включая всех без исключения членов НАТО и ни одна страна не проголосовала против. Если мы сможем объединиться на такой платформе, то сможем преодолеть те объективные и, в большей части, субъективные сложности, которые наблюдаются на пути движения к безопасному и стабильному миру. Надеюсь, что ваша конференция и предстоящие дискуссии позволят приблизиться к этой цели.

Вопрос (перевод с английского): Недавно Президент Франции Э.Макрон заявил в связи с российской угрозой, что «мозг НАТО умер». Я хочу узнать, что Вы думаете по поводу этого заявления?

С.В.Лавров: Что касается медицинского вопроса, то по части диагнозов не хотел бы вступать в какую-то полемику. Если Президент Франции Э.Макрон почувствовал, что этот диагноз налицо, он имеет полное право его высказывать. Он знает НАТО гораздо лучше, чем я, поскольку представляет страну - одного из лидеров Североатлантического альянса. Мы бы хотели иметь нормальный диалог с НАТО. Не по нашей вине практически все формы кооперации были заморожены, был прекращен диалог по линии военных. Не мы были инициаторами тех мер, которые НАТО приняла в отношении российской делегации при Североатлантическом альянсе в Брюсселе. Их просто держат по несколько дней, не давая элементарных ответов на просьбу о встрече. Мы не будем напрашиваться, но в наших интересах, как это предусмотрено нашей внешнеполитической доктриной, развивать равноправное взаимовыгодное сотрудничество с НАТО. Поэтому, как только НАТО «выздоровеет», мы не заставим себя ждать.

Вопрос: В ходе выступления на II-й Конференции по вступлению в силу ДВЗЯИ в Нью-Йорке 25 сентября с.г. Вы подняли вопрос о том, что не все российские дипломаты получили визы. Может быть, эта важная Обзорная конференция Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), о

которой Вы упомянули сейчас, могла бы быть перенесена в Вену, где давным-давно один из столпов ДНЯО уже рассматривался, речь идет о гарантиях. Более того, там не будет никаких проблем с получением виз.

С.В.Лавров: Что касается проведения международных мероприятий в различных ооновских центрах, то действительно возникла очень серьезная проблема. Американская сторона не выполняет своих обязательств по обеспечению нормальной работы органов ООН, которые расположены в штаб-квартире в Нью-Йорке. Это касается не только неприемлемого отношения к российским делегациям, но и к делегатам целого ряда других стран, которые сталкиваются с такой же проблемой. Была серьезная дискуссия и в самом Первом комитете, который занимается вопросами разоружения, и в комитете по сношениям со страной пребывания. Доклад, который был принят по итогам этой дискуссии, четко обозначает, что американская сторона поступает неправомерно. И в соглашении между ООН и правительством США, как страной пребывания центральных учреждений ООН, есть положение, согласно которому в подобного рода ситуациях требуются арбитражные процедуры. Их должен инициировать Генеральный секретарь ООН. Мы пока еще терпеливо ждем, но бесконечно ждать не получается. Эта проблема не просто связана с проведением той или иной конференции - будь то Обзорная конференция ДНЯО или другая сессия. Это системная проблема, которую решать нужно системно. Поэтому мы будем настаивать, чтобы все те методы и процедуры, которые предусмотрены Соглашением о штаб-квартире, соглашением со страной пребывания, были полностью задействованы Генеральным секретарем.

Вопрос (перевод с английского): У России очень хорошие отношения со странами Южной Азии. Южная Азия снова становится одним из центров ядерной напряженности. Что Россия могла бы сделать для разрешения этой ситуации? Вы и так уже этим занимаетесь, и это может привести к улучшению ситуации.

Контроль над вооружениями — это очень важный вопрос. Речь идет не только о многосторонних инструментах. В Южной Азии страны накапливают технологии, вооружения. Наблюдается такой дисбаланс, что это ставит под угрозу стратегическую стабильность. Хорошо было бы видеть определенную сдержанность со стороны ядерных поставщиков...

С.В.Лавров: Могу выразить свое согласие с направлением Ваших мыслей. Конечно, проблемы в сфере распространения оружия массового уничтожения и других современных высокоточных форм оружия требуют

отдельного разговора, и мы к этому готовы. Но когда ни на одно из наших предложений мы не получаем внятной реакции от основного партнера в этой сфере - от США, нам трудно пытаться в одиночку что-то сделать. Мы постоянно напоминаем о многочисленных предложениях в сфере стратегической стабильности и контроля над вооружениями, которые мы передавали США, о которых известно другим ведущим странам мира. Они остаются «на столе» переговоров.

Что касается Индии и Пакистана, наша страна еще в эпоху Советского Союза прилагала немало усилий, чтобы эти отношения развивались в конструктивном, а не конфронтационном ключе. Если на то будет желание обеих сторон, мы будем готовы рассмотреть те формы, в которых стороны сочтут полезным, возможным и необходимым наше участие. В качестве уже достигнутого результата отмечу присоединение Индии и Пакистана к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) при нашей активной поддержке. Это создает дополнительную площадку, где лидеры, министры иностранных дел могут регулярно общаться, где создана доброжелательная и корпоративная атмосфера, которая, я надеюсь, поможет продвигать диалог между Дели и Исламабадом на благо народов этих стран, на благо всего региона.

Вопрос: Вы справедливо отметили, что российское предложение о неразвертывании ракет средней дальности — это единственный способ предотвратить новый, очень опасный виток гонки вооружений, который может, на мой взгляд, привести к повторению Кубинского кризиса (1962 г.), или чему-нибудь пострашнее.

Как Вы отметили, США и их союзники не реагируют на российское предложение. При этом выдвигается два контраргумента. Во-первых, сам термин «мораторий», который мы иногда употребляем, трактуется как попытка России якобы сохранить уже развернутые ракеты, нарушающие Договор - тут проводится параллель с 1982 г., когда СССР предлагал не развертывать, а объявить мораторий, при этом сохранив свои ракеты СС-20. Надо ли использовать термин «мораторий», который используется для того, чтобы «наводить тень на плетень».

Второе. Как проверить выполнение российской инициативы по неразвертыванию? Отсюда вопрос: можно ли задействовать для проверки механизмы инспекции, которые существуют в рамках «открытого неба»? Скажем, часть полетов использовать для того, чтобы убедиться, что развертывание не происходит. И даже механизм Договора СНВ-III, который

предусматривает проведение наземных инспекций, в том числе касающихся дорожно-мобильных межконтинентальных баллистических ракет, которые есть у России. В принципе, такого рода проверки тоже могут быть использованы для того, чтобы убедиться, что обязательства о неразвертывании выполняются как нами, так и американцами.

С.В.Лавров: Что касается термина «мораторий», то, как говорится, «хоть горшком назови, только в печку не ставь». Я не думаю, что здесь есть какая-то терминологическая проблема, все всё прекрасно понимают. Нам действительно сказали, что когда мы предлагаем договориться об обоюдном неразмещении этих видов вооружений, мы пытаемся всех обмануть, потому что мы уже якобы развернули. На это мы им напоминаем о том, что несколько лет уговаривали американцев начать предъявлять нам конкретные факты, подтверждающие нарушения. Они категорически от этого отказывались. Нам никто никогда не показывал спутниковых снимков, которые, на мой взгляд, единственные могут подтвердить обоснованность их претензий. То, что они у них есть, сомнений не вызывает. Также, как у них есть спутниковые снимки катастрофы с малазийским «Боингом», когда он был сбит над Украиной. Их тоже никто никому не показывает. Они просто говорят, что это сделали мы. В данном случае они говорят, что эта ракета нарушает договор, поэтому мы должны уничтожить ее. Мы же предлагали целые процедуры о том, как эти проблемы разруливать. Нет, мы должны ее уничтожить, никто даже видеть ничего не хочет. Тогда мы организовали демонстрацию в январе 2019 г., пригласив военных атташе большинства государств, включая всех членов НАТО. Всем членам НАТО, включая «староевропейцев», запретили туда ехать и смотреть, запретили слушать брифинг, который занимал более двух часов и предполагал ответы на любые вопросы. Конечно, в отсутствие самих США, вопросы, которые были заданы, не до конца охватывали всю сферу интересов наших западных партнеров к этому виду вооружений. Но им была предоставлена такая возможность, которую они просто проигнорировали, и, будучи представителями военных ведомств своих стран в Москве, поступили невежливо. Единственными, кто осмелился послушаться запрета Вашингтона поехать посмотреть на эту ракету, были турки, болгары, киприоты и греки. Это говорит само за себя. По тому, как люди себя ведут, можно сделать вывод о том, что они задумывают, что у них на уме. Наши претензии адресованы к американцам по поводу того, что касается ракет-мишеней (*ракет средней и меньшей дальности*), которые полностью соответствуют категориям этого вида вооружений, и в том, что касается

беспилотных летательных аппаратов, которые не были предусмотрены ДРСМД. Мы специально предложили провести дополнительные переговоры по беспилотникам, но они категорически отказались. Есть установка для противоракет МК-41, в отношении которой мы уже много лет указываем на возможность ее использования и для запуска ударных крылатых ракет. Нам отвечали что это не так, хотя на открытом сайте компании «Локхид Мартин», которая ее производит, написано, что она двойного назначения — противоракетная и ударная. Американцы провели испытания именно из этой установки, не удосужившись как-то объяснить, почему они до сих пор отвергали пригодность МК-41 для запуска ударных крылатых ракет.

Что касается верификационных механизмов, то Президент Российской Федерации В.В.Путин направил лидерам более, чем 50 стран развернутое послание, в котором сказано, что мы готовы в рамках обсуждения того, что можно называть мораторием или как-то иначе, договариваться, рассматривать эти верификационные меры, поэтому мяч на той стороне.

Вопрос (перевод с английского): Что касается режима нераспространения, то он сейчас переживает кризис в связи с односторонними действиями США и отсутствием лидерских навыков многих государств в этом отношении. Считаете ли Вы, что Россия имеет возможность вернуть себе лидерскую роль для того, чтобы восстановить режим нераспространения, в частности это касается иранской ядерной программы? Каким образом мы можем сохранить Обзорную конференцию ДНЯО?

С.В.Лавров: Я уже упомянул о том, что необходимо сделать, чтобы Обзорная Конференция ДНЯО 2020 г. не повторила печальную судьбу своей предшественницы – 2015-ого года. Для того, чтобы максимально эффективно использовать все возможности, недостаточно лидерства какой-то одной страны. В том, что касается обзорной процедуры, здесь всегда особую роль играли пять постоянных членов СБ ООН, которые в соответствии с Договором легитимно обладают ядерным оружием. Учитывая настроения в пользу скорейшего продвижения к безъядерному миру, желание многих антиядерных активистов отложить в сторону другие факторы, влияющие на стратегическую стабильность, что сделать невозможно, поскольку речь идет не просто об уничтожении ядерного оружия ради уничтожения ядерного оружия, а о том, чтобы в мире не было дестабилизирующих вооружений, которые создавали бы постоянные риски и угрозу. Именно поэтому я перечисляю те факторы, без учета которых невозможно продвигаться по пути дальнейшего сокращения ядерных

вооружений. На пятерку обращены взоры, и многие активисты среди тех, кто выступает за скорейшее избавление от ядерного оружия, обвиняют ее в том, что она действует медленно, недостаточно осознает свою ответственность. В этой связи конструктивные шаги, предлагаемые пятью постоянными членами СБ ООН – пятью ядерными державами, весьма востребованы для того, чтобы эти обзорные конференции проходили в конструктивном русле, чтобы пятерка показывала, что она не игнорирует настроения, которые есть у многих стран-участниц ДНЯО. Но для этого пятерка должна быть единой. Когда по такому вопросу, который с 1995 г. был уже решен, мы не можем никак созвать Конференцию по зоне, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке, конечно, это не красит пятерку и не делает ей честь. Когда по вине одного члена пятерки разрушен или близок к разрушению (надеюсь, что его еще можно спасти) Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), который всеми приветствовался как величайший прорыв не только в отношении иранской ядерной программы, но и в деле укрепления режима нераспространения, конечно, это не добавляет репутационных очков пятерки в контексте подготовки к этой конференции. Мы в России, поскольку у нас достаточно защитимые позиции, выступаем за Конференцию по Ближнему Востоку, за сохранение СВПД. В этой ситуации мы могли бы выставить наших западных коллег как не очень договороспособных, особенно США, но мы этого не хотим. Мы понимаем, какую коллективную ответственность несет вся пятерка. И мы заинтересованы в том, чтобы эта ответственность превалировала над теми сиюминутными играми в контексте приближающегося или удаляющегося электорального цикла в той или иной стране, чтобы эта ответственность превалировала над всем наносным, искусственным и конъюнктурным. Нам кажется, что у серьезных экспертов стран пятерки есть понимание этого. А если есть понимание, то мы постараемся выработать такие рекомендации, которые позволили бы лидерам пяти держав выступать ответственно и продвигать общеприемлемую повестку дня в сфере нераспространения.

Вопрос (перевод с английского): Очевидно, что Россия - важный игрок на Ближнем Востоке. И там сейчас будет проходить Конференция о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ). Считаете ли Вы, что есть возможность добиться создания зон, свободных от ядерных испытаний на Ближнем Востоке, и можно ли начать обсуждение этого? Начиная с 2016 г. Вы работали с Л.Зербо над возможностью введения моратория по ядерным

испытаниям и соответствующей декларацией. Есть ли условия, по Вашему мнению, благодаря которым мы можем вернуться к этой идее, и можем ли мы наконец выступить с этой декларацией от имени пятерки по этому мораторию?

С.В.Лавров: Что касается второго вопроса, то я уже упомянул в своем вступительном слове, что США официально заявили, что у них нет намерения ратифицировать ДВЗЯИ. Как на этом фоне они отнесутся к предложению объявить мораторий? Мораторий формально существует, но он нигде не зафиксирован в правовом смысле. Идея хорошая, но Вы ее тоже обсудите с американцами и другими нашими коллегами. Иногда, когда Россия что-то предлагает, нас все время подозревают в какой-то задней мысли. Может быть, Вам будет легче продвигать нейтральные позиции этой инициативы?

А что касается Ближнего Востока и предложения начать с договора о запрещении ядерных испытаний в этом регионе, мне кажется, это будет осложнять дискуссию по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Если мы сразу будем говорить о запрещении ядерных испытаний, то это будет подразумевать, что уже есть, что испытывать. Мы хотим, чтобы там не было, чего испытывать.

Вопрос (перевод с английского): После провала переговоров в Ханое между КНДР и США существует очень много разногласий. Это связано с давлением Вашингтона на Пхеньян в том, что касается выработки плана денуклеаризации страны. В то же время КНДР требует гарантий безопасности. Вы работаете в качестве посредника, выработали собственный план действий. Как Вы сами его оцениваете? Я считаю, что обеим сторонам этот план сейчас нравится. Есть ли у Вас какие-то секреты, с помощью которых Вы можете убедить обе стороны, поскольку ситуация критична?

С.В.Лавров: Когда начинались усилия по установлению диалога между Вашингтоном и Пхеньяном, мы вместе с КНР высказали нашу позицию в поддержку таких контактов и честно изложили свои оценки, которые заключались в том, что успеха можем достичь исключительно на основе встречного движения. Действие за действие. Поэтапно, постепенно, последовательно. И предостерегали от логики, в соответствии с которой КНДР должна сначала полностью избавиться от всего, что связано с производством ядерного оружия (туда еще и ракеты добавлялись), а уже потом можно будет думать, как обеспечивать экономическое развитие, освобождение от санкций и т.д. Эта логика абсолютно неработоспособна, и встреча в Ханое это, наверное, подтвердила. Наша «дорожная карта», которые мы вместе с КНР предложили,

заклучалась в том, что сначала нужно укреплять доверие через проведение взаимных встреч; на следующем этапе нужно предпринимать какие-то осязаемые меры, включая приостановку военных учений, включая приостановку испытаний и запусков ракет; далее выходить на переговоры. Примерно так и происходит. По крайней мере, происходило до недавних учений, который Ваша страна провела вместе с США. Это вызвало соответствующую негативную реакцию руководства КНДР. Сейчас, когда эта логика «дорожной карты», по нашей оценке с китайскими друзьями, вроде бы воспринимается всеми, мы разработали план действий, который основан на принципе встречных шагов. Там изложены те шаги, которые без ущерба для своей репутации могли бы предпринять США, и те шаги, которые на той же основе могли бы предпринять руководители Северной Кореи. План этот уже пару месяцев, по-моему, рассматривается в столицах других стран-участниц шестисторонних переговоров. Я так понимаю, что, как Вы и сказали, отношение к нему позитивное.

Мы сформулировали идеи, которые всеми воспринимаются, но осуществить-то мы их за американцев и северокойцев не можем. Надо, чтобы был придан какой-то импульс пока затухшим контактам. Но у нас есть регулярный диалог и с США, со спецпредставителем США по Северной Корее С.Биганом - пока еще он занимается этим «портфелем». У нас есть диалог на регулярной основе и с Пхеньяном. Как я понимаю, в сегодняшней конференции участвуют эксперты и из США, и из КНДР. Разумеется, мы постоянно консультируемся с нашими южнокорейскими коллегами. Но закончил я бы тем, что не нужно ждать от России или Китая, что мы решим все за США и КНДР. И не нужно ждать, пока этот диалог каким-то образом возобновится. Я считаю, что самостоятельный, параллельный трек, который был создан пару лет назад, - трек контактов между Севером и Югом Корейского полуострова как-то незаслуженно отодвинут на задний план. Давно не слышно о том, как этот процесс идет. Ведь были достигнуты неплохие договоренности о пилотном возобновлении железнодорожного сообщения и многое другое. Мы готовы были помогать, учитывая наличие трехсторонних инфраструктурных проектов с участием двух Корей и России. Поэтому как дополнительный элемент задачи стабилизации и денуклеаризации всего Корейского полуострова я бы выделил важность межкорейских отношений.

Вопрос (перевод с английского): Хотела бы обратиться к Вашим ремаркам по ОЗХО. Проблема заключается в том, что недавно использовались химические вещества. Несмотря на большое количество доказательств, указывающих на виновных, они подвергаются сомнению, равно как результаты анализов. Учитывая КЗХО и приверженность этой Конвенции, было бы верно предоставить ОЗХО независимые атрибутивные функции, чтобы в любых будущих ситуациях мы бы могли иметь более согласованный анализ.

Могли ли бы Вы представить, что когда-нибудь мы сможем добиться мира без ядерного оружия?

С.В.Лавров: Это, наверное, такая беллетристика. Если спросите меня, я был бы за. Но человек - такое существо - никогда не знаешь, что придет ему на ум. Человеческая гордыня, стремление доминировать присуще очень многим. Пока мы должны думать о том, чтобы мир был свободен от рисков и угроз. И если на обозримую историческую перспективу гарантии безопасности от угроз будут включать в себя сохранение ядерного оружия при контрольно-проверочных механизмах и при всем остальном, что необходимо для того, чтобы никто никого не подозревал ни в чем, то значит, так тому и быть. Еще раз, мы возвращаемся к теме станет ли мир безопаснее, если вдруг исчезнет ядерное оружие, при наличии противоракетной обороны, при наличии оружия в космосе, при наличии оружия т.н. мгновенного глобального удара (Prompt Global strike) и много чего еще, при дисбалансах в обычных вооружениях, о которых, почему-то, мало вспоминают. Прочитайте доклад СИПРИ, как соотносятся тяжелые вооружения на европейском континенте, которые есть у НАТО только внутри Европы и у России. Там в 2-3 раза по каждой категории тяжелых вооружений перевес у НАТО. Это тоже надо учитывать в наших дискуссиях.

Что касается ОЗХО, я соглашусь с тем, что любые случаи использования запрещенных химических веществ необходимо расследовать независимо. Независимость такой работы пока не обеспечивается. Технический секретариат был создан в соответствии с Конвенцией о запрещении химического оружия (КЗХО) с единственной целью — реагировать на сообщения о возможном применении запрещенных веществ и устанавливать, было или не было такое вещество применено. Не более и не менее. Но очень важная деталь: устанавливать, было или не было применено запрещенное вещество, технический секретариат обязан строго на основе тех процедур, которые одобрены в Конвенции. Это означает, что надо, чтобы независимые эксперты, как Вы сказали, поехали на место, о котором идет речь. Чтобы они лично

собрали образцы почвы, воздуха, биоматериалы, если там пострадали люди, чтобы эти образцы были доставлены в сертифицированную лабораторию при обеспечении непрерывности присутствия при этой доставке тех самых экспертов ОЗХО. И затем уже лаборатория передает в руководящие органы ОЗХО свои выводы. Ни в одном случае до того, как разразился кризис в ОЗХО, эти правила выполнены не были. Начиная с Хан-Шейхуна, когда эксперты отказались ехать на место происшествия, заявив, что там не безопасно. Когда мы продолжали настаивать, чтобы туда поехали эксперты, нам сказали в Гааге, что это теперь не нужно, потому что по счастливой случайности образцы оказались в Лондоне и в Париже. И французы и британцы поделились с ОЗХО этими образцами. Как Вам такая независимость? Мы обратились, естественно, в Лондон, в Париж и сказали, что ОЗХО не может направить экспертов, поскольку они не могут обеспечить безопасность, но если Франция и Великобритания получили образцы по своим каналам, значит, они знают с кем договариваться о безопасности, помогите обеспечить безопасное направление туда экспертов ОЗХО. Они отказались, сказали, что не будут этим заниматься. А на нашу просьбу рассказать, каким образом эти образцы были получены, нам сказали — секрет. Это независимость ОЗХО от Лондона и Парижа, или все-таки небольшая зависимость? Именно после этого безобразного случая был выпущен доклад об этом эпизоде. Было ясно, что все это было инсценировано, а доклад состоял сплошь из «хайли лайкли», и «есть хорошее основание полагать», «по всей вероятности» и т.д. Это абсолютно непрофессиональный документ, который позорит международных чиновников. Эта совместная группа по расследованию была санкционирована СБ ООН - как и положено в деле, когда нужно проводить следственное действие, устанавливая виновных, только СБ ООН может санкционировать тот или иной механизм. Именно поэтому этот механизм не был продлен - он себя дискредитировал упомянутым мной докладом. И это не красило, конечно же, наших западных коллег, потому что 99% состава этого механизма были представители западных стран.

Миссию по установлению фактов, которая была еще раньше создана для Сирии, возглавляли 2 человека: один возглавлял группу, которая расследовала жалобы оппозиции против правительства, а второй возглавлял группу, которая расследовала жалобы правительства против оппозиции. Оба они, по счастливой случайности, независимо друг от друга, оказались подданными Ее Величества Королевы Великобритании Елизаветы II. Поэтому судьба этого механизма, предвзятого, абсолютно беспардонно используемого «в одни ворота», была

предрешена. Не позволив продлить мандат этого механизма, мы вместе с нашими единомышленниками тут же предложили, чтобы СБ ООН сформировал новый орган, в которой было бы уже «в лоб» прописано, что нельзя расследовать случаи возможного применения химических веществ, процедурами иными, чем предусмотрено в КЗХО. Но это не понравилось нашим западным коллегам, которые как раз и хотели применять те самые незаконные и нелегитимные процедуры. Это к вопросу о международном праве и правилах, на которые Запад хочет опирать миропорядок (rules based-world order). Международное право — это конвенция. И в ней сказано: получили уведомление - поезжайте лично; собирайте лично образцы, везите сами эти образцы в лабораторию, и лаборатория пусть докладывает. Это часть международного права. А когда нам говорят, что образцы собраны дистанционно, никто туда не ездили, а «ребята из Лондона и Парижа» помогли, это уже не международное право, это уже те самые правила, которыми международное право хотят подменить. В случае с ОЗХО это ярчайший пример той самой концепции, о которой так любят сейчас наши западные коллеги во всех своих документах торжественно заявлять — «миропорядок, основанный на правилах». Мы все-таки рассчитываем, что не правила, которые изобретаются узкой группой стран, а универсально согласованные инструменты международного права, включая конвенции, решения СБ ООН, будут лежать в основе всей нашей деятельности.

https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxFJnKuD1W/